

О. В. Петешова

РОЛЬ СОГЛАСОВАННЫХ ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОЙКОНИМИИ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 11.07.2022 г.

Принята к публикации 21.09.2022 г.

doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-4

36

Для цитирования: Петешова О. В. Роль согласованных переименований при формировании ойконимии Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2023. №2. С. 36—42. doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-4.

Рассматриваются способы согласования исходных восточнопрусских и новых советских ойконимов в процессе послевоенного переименования населенных пунктов Калининградской области. В результате сопоставительного фонетического и семантического анализа соответствующих названий выяснилось, что среди использовавшихся способов согласования названий лидируют одинаковая тематическая соотнесенность (с преобладанием отсылок к флоре, фауне и водоемам местности) и идеологическая антонимия, проявляющаяся, как правило, в косвенной форме. Несколько реже инициаторами переименований применялись для согласования ойконимов перевод (обычно частичный), семантическая антонимия и заимствование. Отмечена незначительная представленность согласованных переименований в исследованном материале (не более 11 % всех региональных реноминаций), сделан вывод об их преимущественно случайном характере.

Ключевые слова: переименование, реноминация, ойконим, антонимия, аллюзия

Как известно, система ойконимов Калининградской области была сформирована во второй половине XX в. в результате массового переименования населенных пунктов бывшей Северо-Восточной Пруссии, территории которой вошли в состав Советского Союза после Второй мировой войны. Говоря о переименованиях в этом контексте, имеют в виду процесс замены одного имени географического объекта на другое (новое или исконное) [3, с. 135], осуществленный путем принятия некоторым органом власти специального нормативного акта. Чаще всего топонимические переименования рассматриваются в современной науке с исторических позиций [2; 5], значительно реже — с позиций экономики [6], однако определенное внимание уделяют реноминациям и лингвисты. В частности, в работе С. А. Никитина проводится морфоло-

гический, семантический и функциональный анализ наиболее значительных переименований городов, имевших место в нашей стране на всех этапах ее существования [8].

Для проведения нашего лингвистического анализа из указов Верховного Совета СССР [11], закрепивших новые названия региональных населенных пунктов, после устранения всех дублетных и ошибочных записей были отобраны 2497 актов переименования поселений, в совокупности составившие материал нашего исследования. Основу этого материала формируют независимые переименования, при которых исходные восточнопрусские ойконимы немецкого и балтийского происхождения заменялись советскими властями на новые русскоязычные ойконимы совершенно произвольно, без учета формы и семантики исходных. Так произошло, например, при реноминации *Tilsit* → *Советск*, по итогам которой вместо отгидронимного названия стало употребляться название, четко закрепляющее новую территориальную принадлежность города.

Вместе с тем на фоне преобладающих независимых переименований нельзя не заметить 276 согласованных реноминаций, то есть замен исходных ойконимов на географические названия, связанные с ними по звучанию или значению. Конечно, их доля в ойконимии (11 %) значительно ниже, чем доля согласованных переименований в сфере природных объектов (около 34 %); тем не менее сам факт их присутствия позволяет хотя бы частично опровергнуть массивную критику со стороны европейских исследователей, обвиняющих советское руководство в тотальном забвении местного культурного наследия при проведении кампании по ойконимическим переименованиям (см., например, [9]).

Все согласованные переименования калининградских населенных пунктов можно четко разделить на шесть групп в зависимости от способа согласования исходных и новых ойконимов, то есть в зависимости от тех признаков исходных ойконимов, которые были сохранены при переименовании. При ранжировании по частотности своей представленности в материале нашего исследования список этих способов согласования будет выглядеть следующим образом:

1. Одинаковая тематическая соотнесенность (108 случаев). Данный способ согласования можно считать таковым лишь условно. Он предполагает отбор в качестве мотивирующего признака для нового ойконима некоего признака, позволяющего относить этот ойконим к тому же семантическому классу, что и исходный.

В этой группе реноминаций доминируют случаи принадлежности обоих задействованных ойконимов в каждой паре к семантическому классу «фитотопонимы» (58,3 % от всех ойконимов, характеризующихся одинаковой тематической соотнесенностью), например *Schönbaum* (нем. 'красивое дерево') → *поселок Березово*. Также распространенными в нашей выборке являются примеры согласования через отнесенность следующим семантическим классам:

– зоотопонимы (12 %): *Finkengrund* (нем. 'долина зябликов') → *поселок Грачево*;

– отгидронимные ойконимы (12 %): *Allenau* (название образовано от обозначения местной реки *Alle*) → *поселок Поречье*;

– ойконимы, обращающие внимание на рельеф местности (5,5 %): *Rosenberg* (немецкое ‘гора роз’) → *поселок Сопкино*.

2. Идеологическая антонимия (84 случая). Под данным названием мы рассматриваем замену ойконима, отсылающего к элементу одной идеологии, на ойконим, отражающий идеологию кардинально противоположного политического режима (преимущественно при смене власти в определенном регионе, что характерно и для ситуации в послевоенной Калининградской области) [10, с. 82].

Прямая идеологическая антонимия как способ согласования ойконимов использовалась инициаторами переименований в основном при замене идеологически нагруженных исходных названий, относящихся к семантическим классам мемориальных ойконимов, образованных от фамилий выдающихся деятелей Северо-Восточной Пруссии (37 случаев, или 44 % всех примеров использования идеологической антонимии); патронимов, образованных от имен или фамилий основателей или владельцев поселка, подвергающегося переименованию (31 случай); религиозно-культовых ойконимов, неуместных в советском атеистическом обществе (10 случаев); этнотопонимов, отсылающих к названию племени или народности, исторически проживавшей на анализируемой территории (6 случаев).

Для замены советская власть подбирала идеологически нагруженные ойконимы несколько иных семантических классов, в частности отражающие типичную коммунистическую терминологию (11 случаев); ойконимы-мигранты, называющие достаточно крупные и известные населенные пункты Советского Союза и тем самым связывающие новую область в сознании населения страны с ее основными землями (9 случаев). Доля этнотопонимов среди новых ойконимов, несущих в результате идеологию СССР, сокращается до одного случая, а доля мемориальных ойконимов, напротив, существенно возрастает, превышая в итоге 75 % выборки (63 случая).

При попытке определить наиболее распространенные модели переименований, согласованных через идеологическую антонимию, мы выделили две модели:

– патроним → мемориальный ойконим (28 случаев, или 33 % всех подобных согласованных переименований). Важно подчеркнуть, что исходные патронимы квалифицировались нами при анализе как несущие идеологическую нагрузку только тогда, когда соответствующие имена или фамилии могли четко ассоциироваться у инициаторов переименования, не прибегавших к этимологическому анализу топонимического материала, с восточнопрусской культурой. Поэтому модель можно проиллюстрировать актом реноминации *Ludwigsfelde* (нем. ‘поле Людвиг’) → *поселок Серегино*, а реноминация *Gerdauen* → *поселок Железнодорожный*, с нашей точки зрения, принадлежит уже к числу независимых переименований, поскольку исходный ойконим образован от неизвестного широкому кругу лиц имени сына прусского вождя Гирдаве [13, с. 40];

– мемориальный ойконим → мемориальный ойконим (27 случаев), в частности при переименовании *Groß Friedrichsdorf* ‘большая деревня

Фридриха' → *поселок Гастеллово* отсылку к немецкому политику, первому королю Пруссии, сменяет указание на советского участника Второй мировой войны.

Наряду с прямыми идеологическими антонимиями в материале нашего исследования представлены косвенные идеологические антонимии, при которых исходные идеологически нагруженные номинации заменяются на советских картах новыми идеологически нейтральными ойконимами. Так, из 47 восточнопруссских религиозно-культурных ойконимов только 10 единиц сменились идеологически нагруженными географическими названиями. Примером нейтрального переименования в этой группе служит номинация *Labagienen* (от балт. *labgiviyna* 'священный камень') → *поселок Заливино* (отгидронимное название без идеологической нагрузки).

Аналогичным образом с использованием идеологически нейтральных лексических единиц были переименованы:

– 55 % исходных мемориальных ойконимов, например в паре *Grumbkowsfelde* (название увековечивает фамилию восточнопруссского военного) → *поселок Правдино*;

– 50 % исходных этнотопонимов, в частности при реноминации *Szameitkehmen* (прусс. 'деревня жемайтов') → *поселок Болотниково*.

В качестве одной из возможных причин подобных независимых переименований мы допускаем банальный недостаток фоновых знаний у инициаторов кампании по переименованию населенных пунктов Калининградской области.

3. Перевод (40 случаев). Из всего массива переведенных географических названий только 4 топонимических согласования могут считаться случаями полного перевода, например *Uszurönen* (от балт. *usz* 'за', *ure* 'река') → *поселок Заречье*. Еще один пример полного перевода *Ackmenischken* → *поселок Дюнное* следует квалифицировать как нетипичный. Практически все остальные исходные ойконимы были получены советским руководством в ходе работы с региональными картами, выпущенными до нацистской пуристической кампании по переименованиям 1938 г., которая была нацелена на замену балтийских наименований немецкоязычными. Но наш анализ показал, что при указанной реноминации исходной точкой по неизвестной причине послужили более поздние карты 1938 г. [1], на которых тот же поселок фигурирует уже под переведенным в дальнейшем названием *Dünen*.

Около 82 % всех реноминаций этой группы (32 случая) квалифицируются как частичный перевод, то есть перевод лишь отдельных компонентов исходного сложного или составного ойконима с опущением или заменой остальных компонентов. При этом переводу подвергаются:

– в 14 случаях – второй компонент сложного ойконима. Здесь доминируют компоненты *Wald* 'лес' (5 случаев) и *Berg* 'гора' (4 случая): *Dietrichswalde* (нем. 'лес Дитриха') → *поселок Подлесье*; *Ziegenberg* (нем. 'козья гора') → *поселок Подгорное*;

– в 11 случаях – первый компонент составного ойконима. Чаще всего речь идет о компонентах *Klein* 'малый' (5 случаев) и *Groß* 'большой' (3 случая): *Klein Heinrichsdorf* (нем. 'малая деревня Генриха') → *Малая Ольховка*; *Groß Weißensee* (нем. 'большое белое озеро') → *Большие Горки*;

– в 7 случаях – первый компонент сложного ойконима, причем повторяемость переводимых компонентов для этой группы переименований не свойственна. В качестве примеров можно привести реноминации *Tannsee* (нем. ‘еловое озеро’) → *поселок Еловое*; *Grünwiese* (нем. ‘зеленый луг’) → *поселок Зеленый Дол*.

Наконец, 4 оставшихся случая перевода мы причисляем к псевдопереводам, то есть к ошибочным переводам или к случаям намеренного подбора в языке перевода неких слов, созвучных действительным переводческим эквивалентам исходных географических названий. Так, вместо восточнопрусского ойконима *Birkenfelde* (нем. ‘березовое поле’) на карте региона появляется *поселок Березино*, что кажется вполне логичным согласованным переименованием, однако в архивном документе, содержащем пояснения по причинам отдельных реноминаций, напротив данного акта переименования имеется пометка «переименован по старому местожительству колхозников» [7]. Это означает, что в действительности новый ойконим является так называемым ойконимом-мигрантом, а не фитотопонимом, как было бы в случае использования подлинного перевода.

Отметим также, что в одном случае из материала нашего исследования (*Neu Heiligenwalde* → *поселок Ново-Комсомольское*) применяется такой способ топонимического согласования, как «идеологическая антонимия, осложненная частичным переводом». Первый компонент исходного ойконима со значением ‘новый’ был переведен инициаторами переименований, а второй компонент со значением ‘священный лес’, семантика которого позволяет отнести все географическое название к религиозно-культурным, заменяется по принципам идеологической антонимии на компонент из семантического класса «коммунистическая терминология».

4. Аллюзия (34 случая). Как отмечается в работе М. Лангенфельда, при таких согласованиях в ходе переименования сохраняется или частично сохраняется фонетический облик исходного ойконима, однако его семантика совершенно не учитывается [4, с. 161]. Дополняя дефиницию немецкого исследователя, уточним, что в каждой подобной ситуации исходная лексическая единица формально напоминает некоторую реально существующую единицу русского языка с другим лексическим значением. По итогам количественных подсчетов оказалось, что ровно половина зафиксированных нами аллюзий являются отдаленными (*Röseningken* (ойконим с этимологически неясной основой балтийского происхождения) → *поселок Резниково*), другая половина достаточно точно воспроизводит форму восточнопрусского географического названия: *Sawadden* (также ойконим с неясной основой) → *поселок Завидово*; *Kruschinnen* (от прус. *kruschke* ‘дикая груша’) → *поселок Крушинино*.

5. Семантическая антонимия (7 случаев). Вводя в структуру данного термина избыточный с лексикологической точки зрения компонент «семантическая», мы тем самым стремимся подчеркнуть, что, в отличие от охарактеризованной выше идеологической антонимии, речь при указанном способе согласования ойконимов идет именно о классическом противопоставлении семантики исходных и новых географических названий. Как правило, такая антонимия является частичной, то есть у со-

поставляемых ойконимов с составной структурой противопоставляются только первые компоненты, указывающие либо на возраст поселения (*Alt Kirschnabeck*, где компонент *alt* переводится как 'старый' → *Новодворки*), либо на его размер (*Groß Grobienen*, где компонент *groß* обозначает 'большой' → *Малая Климовка*).

Наибольший интерес в анализируемой группе согласованных переименований представляет случай реноминации *Germau* → *Русское*, основанный на псевдоантонимии. Исходный ойконим по своему звучанию ассоциируется у большинства носителей русского языка с названием страны (Германия), поэтому два ойконима, образованных от идеологически противопоставленных этнонимов действительно кажутся антонимичными. Однако этимологический анализ показывает, что название поселения *Germau* происходит от балтийского слова *germe* 'девственный лес' [12], а значит, по своей сути характеризуемое переименование является независимым.

6. Заимствование (2 случая). В обоих случаях исходный ойконим не просто переносится в новую ойконимическую систему с неизбежной фонетической и графической адаптацией к ней, но и подвергается небольшому морфологическому преобразованию, факультативному с точки зрения приспособления к русской ойконимии (*Dotpaui* → *Домново*).

Таким образом, мы видим, что в целом согласованные переименования в сфере региональной ойконимики являются немногочисленными и, как демонстрирует наш анализ, чаще всего носят случайный характер.

Список литературы

1. Визуальный архив Восточной Пруссии. URL: <https://www.bildarchiv-ostpreussen.de> (дата обращения: 07.07.2022).
2. Костяшов Ю. В. Кампания по переименованию в Вармии и Мазурах после Второй мировой войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. №3. С. 13–25.
3. Крюков П. А. Роль экстралингвистического фактора в формировании немецкого топонимикона (на примере идеологической компоненты в Северной и Восточной Германии в период с 1933 по 1990-е гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Лингвистика. 2011. №6. С. 133–138.
4. Лангенфельд М. Процесс переименований в Калининградской области // Калининградские архивы. Калининград, 2011. Вып. 9. С. 158–171.
5. Маслов В. Н. Предложения районных властей о переименовании центров сельских советов Калининградской области (октябрь – ноябрь 1946 г.) // Калининградские архивы. Калининград, 2019. Вып. 16. С. 84–123.
6. Матвеев А. К. Тенденции и практики в современной урбаноминации // Вопросы ономастики. 2009. №7. С. 100–105.
7. Материалы о переименовании населенных пунктов Калининградской области // Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 1.
8. Никитин С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
9. Палмайтис Л. Предложение по научной русификации исконных наименований перешедшей в состав России северной части бывшей Восточной Пруссии / Европейский институт рассеянных этнических меньшинств. Б. м. 2003.

10. Петешова О. В., Скогорева А. В. Топонимическое пространство и особенности его формирования при региональных переименованиях // Сибирский филологический форум. 2019. №2 (6). С. 79–88.

11. Указы Президиума Верховного Совета СССР // Государственный архив Калининградской области. Ф. 297. Оп. 1. Д. 102а.

12. *Endungen und Besonderheiten baltischer Familiennamen*. URL: https://genwiki.genealogy.net/Endungen_und_Besonderheiten_baltischer_Familiennamen (дата обращения: 24.06.2022).

13. *Gerullis G. Die altpreußischen Ortsnamen*. Berlin ; Leipzig, 1922.

Об авторе

Ольга Викторовна Петешова – канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: OPeteshova@kantiana.ru.

O. V. Peteshova

THE ROLE OF THE CONCORDED RENAMING IN THE FORMATION OF THE OIKONYMY IN THE KALININGRAD REGION

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 11 July 2022

Accepted 21 September 2022

doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-4

To cite this article: Peteshova O. V. 2023, The role of the concorDED renaming in the formation of the oikonymy in the Kaliningrad Region, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 36–42. doi: 10.5922/pikbfu-2023-2-4.

The article examines the ways in which the original East Prussian and new Soviet oikonyms were concorDED during the post-war renaming of some settlements in the Kaliningrad region. A comparative phonetic and semantic analysis of the respective names revealed that the same thematic correlation (with a predominance of references to the flora, fauna and water bodies of the area) and ideological antonymy, usually manifested in an indirect form, prevail among them. In addition, translation (usually partial), semantic antonymy and borrowing were used somewhat less frequently by the renaming activists to concorD oikonyms. The author states that agreed renominations are insignificantly represented in the study material, not exceeding 11 % of all regional renominations, and concludes that they are predominantly accidental in nature.

Keywords: renaming, renomination, oikonym, antonymy, allusion

The author

Dr Olga V. Peteshova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: OPeteshova@kantiana.ru